

СВЕТЛАНА ПАВЛОВА

ГОЛОД

НЕТОЛСТЫЙ РОМАН

18+

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Роман поколения

Светлана Павлова

Голод. Нетолстый роман

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Павлова С.

Голод. Нетолстый роман / С. Павлова — «Издательство АСТ»,
2023 — (Роман поколения)

ISBN 978-5-17-159753-5

Светлана Павлова – писательница, выпускница «Creative Writing School» и «WLAG», а также магистратуры «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ. Героине романа «Голод» Лене тридцать лет. У нее понятная сложившаяся жизнь: карьера, ипотека, вечеринки, друзья. А ещё – булимия: уже больше десяти лет она сидит на диете, срывается, снова голодает – и так по кругу. Однажды Лена знакомится с мужчиной, страдающим от клептомании. Так начинается история взаимоисцеления от болезни, которой якобы не существует, которую не умеют лечить и о которой стыдно говорить в обществе. «Голод» – это роман о том, как сложно бороться со стандартами красоты и идеального тела; как идея любви к себе из банальности и трюизма превращается в правило жизни. В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159753-5

© Павлова С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Re[3]: о деньгах	17
Re[3]: о деньгах	18
Re:	21
Re:	22
Re: просто так	28
Re: просто так	29
Re: о книгах	33
Re: о книгах	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Светлана Олеговна Павлова

Голод. Нетолстый роман

© Павлова С.О., 2023

© Елисеева А.М., иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

СВЕТЛАНА ПАВЛОВА

ГОЛОД

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

Орфография, пунктуация и грамматика оригинальных писем сохранены. Использование текстов писем согласовано с автором.

Все адреса, телефоны и имена вымышлены, любые совпадения случайны.

Ничего из написанного в романе не является призывом к похудению. Автор надеется, что после знакомства с книгой читатели, напротив, будут есть столько, сколько просят тело и душа.

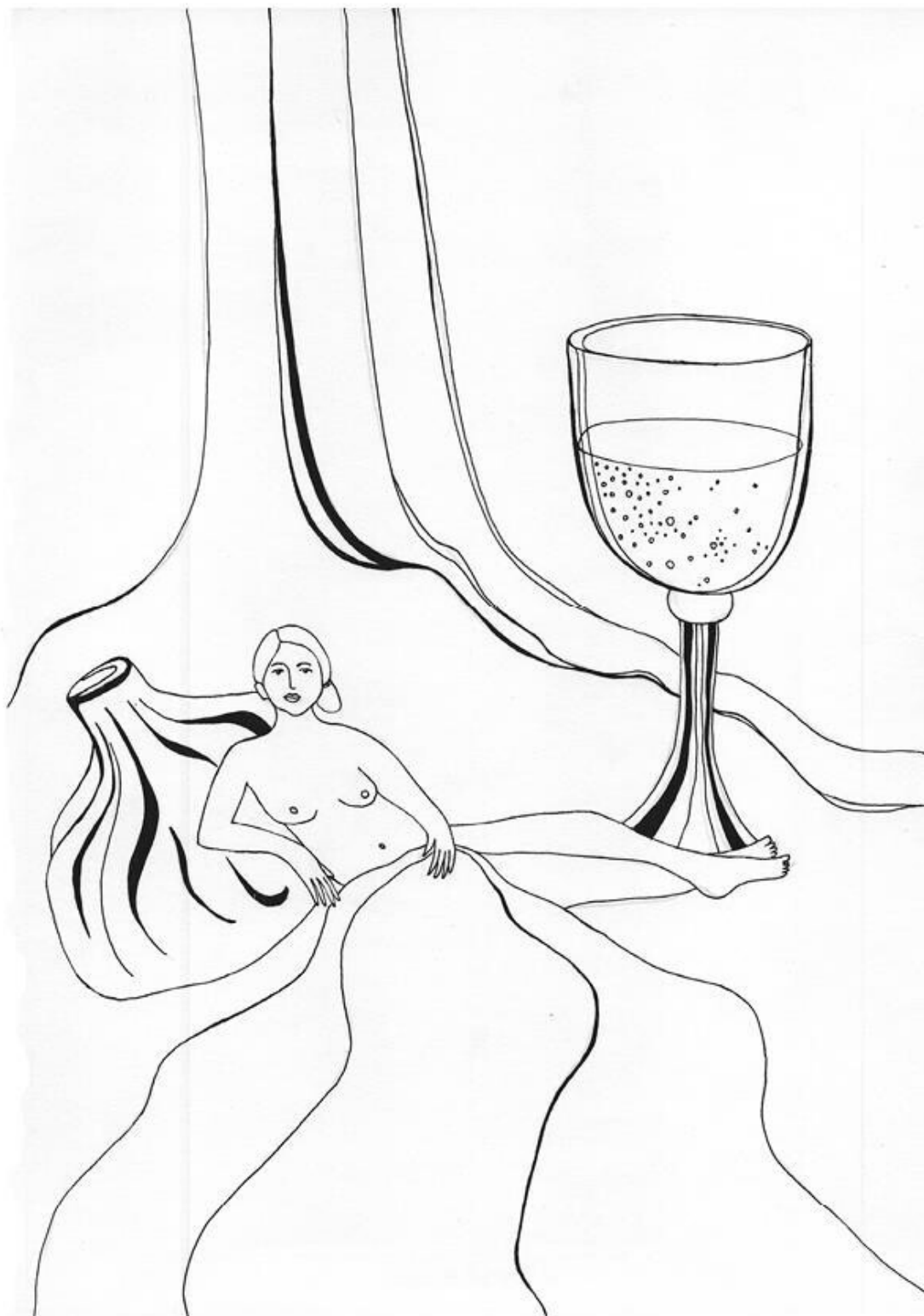
Посвящаю Щербакову Илье

*The woman is perfected.
Her dead
Body wears the smile of accomplishment...
Sylvia Plath¹*

---

¹ «Женщина, доведённая до полного совершенства. // Мёртвое тело // Украшает улыбка выполненного долга...» Сильвия Платт (пер. с англ. Н. Сидемон-Эристави).

Я лежу на полу, ноги задраны на стену. Где-то писали, что так сходят отёки, а значит, лишние объёмы. Я смотрю в потолок и надеюсь, что как только объёмы уйдут, придут красота, счастье, уверенность в себе. Достойная нормальная жизнь.

Я тянусь к телефону и скроллю в приложении, чаще которого захожу разве что в рабочую почту. Я делаю заказ. Это действие я совершаю каждый раз, когда пустота пожирает меня изнутри, и пустоту эту хочется кем-нибудь заполнить, только вот нечем же, нечем совсем. *Кем-нибудь* не получится; получится *чем-нибудь*.

Я делаю вдох и начинаю считать про себя.

Сейчас всё наладится.

Тем временем летит по Тверской курьер Санжар. Наверное, он уже запомнил меня. Это несложно: розовая пижама, красные ногти, торопливый хват, 100 рублей чаевых; всегда ближе к ночи, всегда грузинский ресторан. Как-то он приезжал дважды за вечер. За тот случай мне особенно стыдно; надеюсь, Санжар списал это на мою рассеянность – типа не досчиталась гостей (правда, гостей у меня не было уже год как). С другой стороны Тверской выезжает второй курьер – Хушруз. У него в рюкзаке три пачки вафель, ведро мороженого «Mövenpick», кило халвы, арахисовая паста, орешки со сгущёнкой. И вот они летят навстречу друг другу, два велосипедиста: один – из точки А, второй – из точки В с местом встречи в точке С – моей, то есть, квартире.

Звонок. Я подлетаю к двери, дёргаю её на себя, ни «здрасьте», ни «до свидания», хватаю пакет. Конечно же, сладкое приехало первым. От негодования я почти рычу как зверь. *Да я уже зверь*. Ждать невыносимо; значок курьера, разумеется, недвижим на карте. Я окончательно сатанею и строчу гневное сообщение в саппорт. *Где илется этот придурок, вы там чем вообще занимаетесь, и не надо отвечать мне по скрипту², я сама его для вас написала два года назад*. Повторная трель звонка спасает оператора поддержки Василия: претензия отменена. Я представляю, как Василий с облегчением выдыхает и идёт заваривать кофе симпатичной коллеге по ночной смене. На другом конце ЦАО завязывается необременительный служебный роман.

Я вспарываю пакет с хинкали. Уничтожаю поддон из десяти штук за рекордные три минуты. Желудку больно: ощущение, что он вот-вот лопнет. Есть невыносимо, дышать тоже, но сытости нет и в помине.

Блевать – это страшно. До сих пор, даже спустя столько лет практики. Когда волна поднимается к горлу, кажется, что она возьмёт и задушит. Зато после – так хорошо. Свобода и чистота. Самое время десерта. Выбирать нет смысла, ведь можно всё сразу, вперемешку, без разбора.

А потом – ещё разок два пальца в рот и.

При желании – повторить.

Я залезаю под душ. Сердце, ещё не отошедшее от страха рвоты, бьётся сильнее обычного. Стою в кипятке и думаю о сотне людей, чью работу только что обесценила своим гастрофокусом: курьеры, повара, собиравшие урожай комбайнёры, банковские специалисты, ответственные за транзакцию.

Это всё было сейчас – незачем.

---

² Скрипт – заранее подготовленный текст или часть текста для общения с клиентом в диалогах со службой поддержки. –
Здесь и далее примеч. авт.

Это всё растворилось во Вселенной.

Нулевой выхлоп, никакого КПД.

Я выхожу из душа, с усилием вытираюсь, подхожу к зеркалу в коридоре. Осмеливаюсь посмотреть прямо в упор на своё тело – распаренное, оттого будто размякнувшее. Особенно придирчиво – то место, где впиваются в бока трусы – тёткин фасон, хлопчатобумажные, с бантиком у пупа и резинкой, призванной сдерживать плоть. Я вижу только рытвины целлюлита и шмат кожи, переваливающийся через ткань словно опара из таза.

В голове бьются слова: «жирная», «туша», «мразь», «ненавижу», «чудовище», «рыхлость», «обвисло», «толстуха».

Я плачу, ведь меня никто не любит.
Даже я сама.

* * *

Ладно, давайте без драм: у меня нормальная жизнь.

Есть диплом достойного вуза (ну и что, что журфак), есть социально одобряемая работа – в креативном агентстве. Есть 1317 друзей на фейсбуке. Есть сеанс с психотерапевтом раз в неделю. Есть выставки в Музее современного искусства «Гараж». Есть аккаунт в «Тиндере», используемый, скорее, как источник смешных скринов для чата с подружками. Ещё у меня есть аж две жилплощади: арендная, в пределах кольца Садового, и собственная, за пределами кольца Московского автодорожного. Ну как собственная – я на двадцать лет в кабале у банка, но это детали. Есть прочие маркеры московского успеха: абонемент в хороший фитнес, годовой бонус, вечеринки по пятницам, обезжиренный латте с собой. У меня даже есть необременительный служебный роман. Я сортирую мусор, ношу носки с надписью «Feminist» и недурно говорю по-английски. Я обещаю себе поменьше ездить на такси и больше ходить пешком, убираюсь перед клинингом и свято верую в то, что страдания курьеров-мигрантов окупают мои чаевые.

Кроме этого, я, разумеется, ненавижу вечера воскресений. На самом деле, воскресенье не виновато, просто за ним идёт понедельник, а в понедельник в десять утра начинается летучка в «зуме». То есть, правильнее сказать, что ненавижу я не воскресенье, а свою работу. К сожалению, наше расставание невозможно, ведь работа даёт мне деньги.

Говорят, деньги – это свобода. Но я не согласна. Мне кажется, свобода – это когда твоя жизнь не зависит от очередного имейла и глаз не дёргается от плодящихся в геометрической прогрессии чатов.

Увы, я не выбираю свободу. Наверное, потому, что мне слишком нравится покупать красивые вещи. Те самые, которых у меня не было в детстве – вы понимаете. Платья, пальто, дорогую посуду. Живые цветы, императорский фарфор (любимая линия – кобальтовая сетка и балерины), холодные атласные пижамы. Кремовое постельное бельё с молнией (а не дыркой на пододеяльнике); обычно я вышиваю на его уголке какой-нибудь цветочек, видимо, проявляя тем самым творческую натуру. Японский кондиционер для белья и лавандовый спрей для глажки. Гладить я просто обожаю. Мне нравится тяжесть утюга, его сила – пофыркать паром и устранить все неточности ткани, чтобы потом я могла разложить всё это ровными стопочками – шов ко шву. Жаль, у меня нет на это времени. Как нет и на свечи, на книги,

на пряжу и спицы, на билеты в «Стасик». Прогрессивные люди с фейсбука пару раз осуждали меня за любовь к балету – типа я пустая мешанка и буржуа, но последние две «Жизели» я пропустила не из-за них (хотя и перестала отчитываться в соцсетях о своих походах), а из-за сдачи проекта, с которым дневала и ночевала в офисе.

Когда я смотрю на подзеркальник, удваивающий мои духи и помады, мне кажется, что моя жизнь под контролем. Такие же ощущения я испытываю, когда из-за квартальной премии увеличиваю ипотечный взнос, покупаю себе абонемент на массаж или выхожу с маникюра. Это чувство магическим образом испаряется, когда я открываю компьютер. Но я не ною и просто терплю. Да и вообще: так живут все. Разве нет?

У меня есть лишь одна проблема. Никакой подзеркальник с духами не выиграет соревнование за контроль с моим подкроватным монстром. И монстр этот имеет всамделишное обличие.

Это весы.

Почему-то не модные – стеклянные, электронные. Нет. Простые, с трепыхающейся между делениями стрелкой. Каждое утро я с придыханием встаю на них. Стрелка, будто от смеха, потрясётся сначала, потом замрёт и определит повестку дня. Отвес в полкило обеспечивает дофаминовый взрыв, которого хватает даже на улыбки во всех пяти понедельничных созвонах. Минус 100 граммов? Ну, хвалить себя, конечно, особо не за что, но хоть не набрала, и на том спасибо. Уже можно кому-нибудь рявкнуть и целый день писать сообщения с сокрушительной точкой в конце. Вес остался вчерашним? Плохо, никакой динамики, давай-ка откажемся сегодня от ужина, а домой пойдём пешочком и плевать, что на улице минус 17. 10 тысяч шагов – это, на минуточку, 500 калорий, такой расход на дороге не валяется. Ну а если стрелка качнулась вправо – это конец. Трагедия, обесценивающая все накопившиеся к тридцати годам достижения. Всё бы-ло зря, всё пойдёт прахом, ты ничтожество, у тебя ничего не получится, не получится никогда.

Я не могу сказать точно, с чего это началось. Но скажу с точностью до грамма, что ела – например – год назад.

Вот, открываю пищевой дневник в приложении «Fat Secret» от 18 августа 2018 года:

Обезжиренный сырок – 114 кк.

Американо с молоком – 27 кк.

Салат овощной – 45 кк.

Курица – 257 кк.

Гречка – 348 кк.

И так далее, и так далее. То есть без далее. В сумме – 791. 791 – это уже по краю.

Я хорошо держусь в 900 калориях, умудряясь утрамбовывать в них даже невкусный десерт из кэроба без муки. Держусь месяца два. А потом случайно выхожу за грань – на незначительные 100 или 200 калорий, и тогда мне сносит башню. Я думаю: ну ладно, сегодня уже «испорченный», «грязный» день. «Грязный» день – повод обожраться втрое больше обычного перед завтрашним «чистым», в который есть нельзя. Мотивы сложно объяснить: на языке мнётся «теряю контроль» / «чёрная пелена» / «это не я, оно само», но всё не то. Единственный свет, который я способна разглядеть в такие моменты, – это свет холодильника. Винолово-чёр-

ного, двухдверного, обещающе распаивающего дверь с лёгким позвякиванием пустырника в боковой полке.

Так начинается зажор.

Зажор – он как запой, только углеводы поглощаешь не из водки, а из хлеба и тортов. А сразу после исторгаешь из себя известными народными способами. У меня такое длится неделю-две. Однажды было целый месяц, и я даже не хочу думать о том, что переживала эмаль моих зубов, ежедневно встречавшаяся с желудочным соком.

В такие моменты я – не я. Поэтому по-английски исчезаю с вечеринок, чтобы наконец остаться наедине с едой. Да, так это и устроено: вроде бы избегаешь еды, но становишься так заиклен на ней, что в итоге оказываешься в изоляции социума. Не будешь ведь заталкивать в себя неразогретую гречку со скоростью ложка в секунду, старый хлеб и засохшие вафли на глазах у людей.

За тридцать лет мой вес менялся в зависимости от разных обстоятельств. На 1-м курсе было 42 килограмма (разгар анорексии), на 4-м – 57 (переход в компульсивное переедание³). 57 – это болезненная влюблённость в мальчика с факультета политологии, который за три месяца отношений так и не записал мой номер телефона. Смешной он, этот баланс мироздания: нездоровые отношения – здоровый вес.

Однажды на весах я увидела отметку «38 килограммов» – единственное непродолжительное время в моей жизни, когда я находила красивым своё отражение. Непродолжительное – потому что в таком весе я трижды за неделю упала в обморок в институте, и врач из местной поликлиники сказала мне, что, если я продолжу в том же духе, у меня будет рак желудка. Я не знаю, зачем она это сделала: потому что обессилила от потока девочек с РПП⁴ или просто была душой. Однако её слова возымели нужный эффект. Рак сожрал многих из моей родни (мать говорила «*сожрал*»), и я так сильно боялась умереть от него, что добавила в дневной рацион кусок хлеба и две ложки крупы, из-за чего стала, как я сама про себя говорила, «жирдяйкой» (то есть девушкой весом 46 килограммов).

В конечном итоге тело устало от моей ненависти и предало меня. Оно начало мстить, ежедневно демонстрировать резистентность любому голоду, любой диете. И я стала набирать – преимущественно из-за срывов. Сначала +3 кило виделись мне катастрофой. Потом +5. Потом +7. Каждый раз новый вес из предыдущей «катастрофы» казался мне желанным и уже недостижимым.

С тех пор главной целью моей жизни стало вернуть ту самую цифру – времён постинга грустных песен на стену «ВКонтакте» и попыток обратить на себя мужское внимание новой откровенной фотографией (втянутый живот, рёбра, резинка трусов между костями бёдер, образующая заветный bikini bridge⁵). Грустный оксюморон: стесняться и отрицать своё прошлое в виде патетичных ЖЖ-постов и пафосных подписей к фотоальбомам, но отчаянно хотеть влезть в джинсы тех лет.

---

³ Компульсивное переедание – повторяющиеся эпизоды поедания большого объема еды с чувством утраты контроля над собой.

⁴ РПП – расстройство пищевого поведения.

⁵ Bikini bridge – положение тела (чаще всего: ракурс фотографии), при котором резинка трусов / плавок натягивается на тазовые кости.

Я без особого успеха пробовала разное: диеты, спорт, интервальные голодания. Пока однажды, раздавленная страданиями и похмельным стыдом на общажной пьянке, не услышала от своей соседки: «Да чего ты мучаешься, два пальца в рот, и готово». *Гениально. И почему эта идея раньше не приходила мне в голову?* Я отправилась в туалет на этаже, несмотря на то, что к тому моменту уже прошла все ужасы общежитской дедовщины и выгрызла себе место в двухместном блоке с нормальным человеческим санузлом. Склонилась над грязным унитазом, вдохнула поглубже и выблевала из себя всё, мучившее меня в тот момент: прикидывающийся бейлисом дешёвый ликёр, три куска пиццы, свои неразделённые чувства.

Это действие показалось мне таким простым и очевидным решением в борьбе с возвратом своих объёмов, что я вынесла его за пределы туалета общежития, самого общежития, всей студенческой жизни. С тех пор не было ни дня, чтобы я не сидела на диете или не пребывала в каком-либо пищевом ограничении. Ограничение неизбежно завершается срывом, а срыв,

в свою очередь, – тем, что я сделала в общежитском туалете 2-го этажа. Ритуалу скоро стукнет десять лет, но я продолжаю, неустанно продолжаю и по сей день.

Весы снова зло шутят надо мной и показывают +300 граммов.

Я взяла телефон и написала Нине: «Сорри, на своп⁶ не приду, на работе жопа».

Я написала это, потому что у меня нет сомнений: вещи девочек будут мне малы, а мои им – велики. На предыдущем свопе я даже не осмелилась что-то примерить и унесла с собой только 17 общих фотографий, увеличивая себя на которых чувствовала, как кислею лицом. Конечно, с общими фотками так поступают все – в смысле, рассматривают только себя, а до других (в том числе и меня) им дела нет.

Я это знаю.

Просто на работе действительно жопа. Как обычно, жопа.

---

⁶ Свop – вечеринка, на которой люди обмениваются ненужными вещами (обычно одеждой).

Re[3]: о деньгах

Доброе утро!

Меня всегда напрягает вопрос: как твои дела? Дел-то никаких нет. Стыдно становится, что у меня их нет.

Очень обрадовалась твоему письму. Сейчас пойду посажу за домом 2 дубка, которые я вырастила из желудей. Потом иду в «город». Как раз в Крупской⁷ и в книжном посмотрю книги, про которые мы говорили по телефону. Кстати, тебе на сегодня рекомендация по городу: Устройте себе праздник души и тела!

Я тебе положила 1 тыс. на карточку и 200 руб. – на телефон. Всего хорошего! Вчера очень хорошо поговорили по скайпу. В том смысле, что друг друга хорошо видели и слышали.

Твоя уже старая бабушка

---

⁷ Речь об Астраханской областной научной библиотеке им. Н.К. Крупской.

Re[3]: о деньгах

Привет, Ба!

Спасибо тебе: оченьгодились твои двести рублей как раз.

Ничего себе – «нет дел»: ты за один день делаешь больше, чем я за всю неделю!!

И никакая ты не старая.

Что взяла в Крупской?

Люблю

О чём думали сотрудники компании «Apple», добавляя в список рингтонов будильника мелодию «Радар»? С таким вопросом я просыпаюсь ежебуднично в сраные восемь утра.

Вообще-то мне нравится моё дело. Гонять туда-сюда междометия, примерять разные знаки препинания, сушить и делать так, чтобы буквы из невесомых обретали силу и плоть.

Мне нравится всё, что касается слов на письме. Мне не нравится, что слова на письме не могут существовать сами по себе: без менеджеров, CEO, креативщиков и иных, с чьими аватарками в рабочих мессенджерах соседствуют аббревиатуры типа СМО и CRM⁸.

Они не спихивают задачи, они делегируют – одним нажатием @ в чате и обращением «подхвати, плиз». Они не критикуют, они дают обратную связь по известной формуле «бутерброд с говном» (похвали – поругай – похвали) и сводят с ума пинг-понгом абстрактных правок. *Покрути, поверти, сделай повкусней, что-то не нравится, но не пойму что.* Они говорят: мы не просто коллектив, мы семья. Ещё они говорят: я ничего не смог бы сделать без такой потрясающей команды; вы справляетесь настолько хорошо, что я хоть сейчас могу всё на вас бросить и улететь сёрфить на Бали. После этого в окошечках «зума» становится радостно, улыбочиво, мельтешат аплодисменты. Я тоже хлопаю, только вот что-то нечестное, отдающее барским феодальным душком видится мне в этой похвале.

Я не могу понять, почему в компании, где без конца твердят о «прозрачности процессов» и «бережном отношении к ресурсам», люди идут плакать в туалет после встреч. Я не могу понять, откуда в корпоративной культуре такой бездонный запас вседозволенности: говорить в пекле дедлайнов «да, у нас у всех уже отваливаются позвончики, зато есть прекрасные массажисты в ДМС». Или: «Выгорел? Нет, ты просто позабыл вкус крови». Я не могу понять, почему вспарывающий тишину опенспейса звук уведомления «Слака»⁹ (один шаркающий и два коротких тук-тук) вызывает во мне физическую тошноту. Я не могу понять, почему так остро чувствую фальшь в неискренней фразе «привет как дела» – прямо вот такой, без знаков препинания и словно не требующей ответа.

«Давайте посмотрим на задачки без родителей», – говорит наш проджект-менеджер Толя. Проджект-менеджер – это человек, который контролирует процессы в специальных программах. То есть гоняет туда-сюда карточки с задачами нашего отдела. «В работе», «в обсуждении», «на одобрении», «на рассмотрении», «на изучении». Мы созваниваемся трижды в неделю, чтобы поиграть в эту игру. Иногда в этих графах встречаются «задачки без родителей» – то есть

---

⁸ СМО (англ. Chief Marketing Officer) – директор по маркетингу; CRM (Customer Relationship Management) – система, которая помогает выстроить отношения с клиентами.

⁹ «Слак» («Slack») – корпоративный мессенджер.

задачи, создатели которых забыли прицепить её к какому-то большому проекту. Задачки без родителей. Пожалуй, это самое трогательное, что я слышала в своих трудовых буднях.

Когда эйчары набирают к нам людей, они презентуют удалёнку как преимущество. Но какое же это преимущество, если у тебя, получается, украли серию тру-крайма за завтраком, подкаст по дороге в метро, ну или, скажем, просто пройти свои 3000 шагов с пустой головой. Нет уж, изволь брать ноут, едва продрал глаза, переодеваться необязательно. И погнали – в светлый рабочий денёк, на благо прогнившего капитализма.

Так что в офис я всё равно хожу. Во-первых, кофемашина. Во-вторых, Татьяначка Борисовна.

Татьяночка Борисовна, или Тэ Бэ, – наша главная. Отчество к ней – точёной, хрупкой, всегда неброско стильно одетой – не очень приделывается. Придаток «Борисовна» – кличка для своих. В лучших традициях бодрого маркетингового коллектива она просто Таня, хотя от уголков глаз уже разлетаются к вискам едва заметные линии. Наверное, так происходит, потому что она много смеётся. А смеётся Татьяначка Борисовна действительно без конца. На всех собраниях – ни слова в простоте. Остроты, шутки, присказки. Давит харизмой.

Я люблю Татьяночку Борисовну и ненавижу тоже, ведь она, кажется, совсем не любит меня. Она любит мальчиков, и, хотя в этом мы схожи, я считаю вопиющей несправедливостью тот факт, что мне какой квартал подряд дают писать тексты для кошачьего корма или пенсионерских мероприятий «Весёлое долгожительство», а новопришедшему Феде (брюки со стрелками, бас, забитые черепами руки, добротные презентации с идеальными межстрочными интервалами) спустя две недели доверили итальянскую ярмарку дизайна.

Межстрочные интервалы Федю научила делать я. И на работу эту тоже позвала я. Мы дружим с универа, и, честное слово, я никогда не видела таких ленивых людей. Ленивых настолько, что вместо того, чтобы перевести простецкий текст с английского, он забивал его в «Гугл Переводчик» и слушал домашнее задание в озвучке робота, пока спал по дороге в метро. Он никогда не готовился к семинарам, но не стеснялся подходить в конце пар к преподавателям и напомнить о себе, чтобы в ведомости напротив его фамилии нарисовался очередной плюс. А я вот готовилась, но никогда не подходила. Мне казалось это неловким. Он смеялся надо мной, называл словом «дурында» и поучал: «Ленка, активность на семинаре – это не демонстрировать знания. Это повторять за всеми сказанное, просто другими словами». Я кривила нос – как будто презираю. Но на самом деле и мечтать о таком не могла. Не могла себе такое позволить.

К экзаменам тоже не готовился – если не считать подготовкой обзвон всех однокурсников накануне с вопросом: «Мы в жопе, да? Это же нереально выучить, да? И главное – нахера?!» Мне не звонил – знал, что буду учить, а отвлекать чревато: не у кого будет списать. У Феде было хорошо подвешен язык: он умел убедить меня в том, чтобы я отдавала ему свои «бомбы». А после выдавал по мотивам моих шпаргалок диарейный поток сознания, в которых найденный мною в учебниках смысл полностью уничтожался кучерявостью фраз. Федя почти никогда не получал четвёрок. Про тройки и двойки я вообще молчу. Мальчик на журфаке, да ещё и не на отделении спортивки и политики. Экзотика.

Теперь, когда Федя с опозданием появляется в переговорке, плывёт в улыбке не экзаменационная комиссия, а Тэ Бэ. Она расшучивается пуще прежнего, а иногда совсем выходит из берегов, воркуя: «Нет, ну вы посмотрите, какие у меня сексуальные креативщики».

У Татьяночки Борисовны – всё сексуальное. Сексуальность – единственное мерило, главная награда, высшая оценка. Она говорит: добавить секса в имиджи. Она говорит: сделайте презентацию посексее. Она говорит: этот слоган – просто секс.

А обращается к нам исключительно кошачьими словами: котик, кот, котюнь; вроде бы даже ласково, но почему-то чувствуешь себя после такого нассавшим мимо лотка.

Иногда – лишь изредка – она орёт. Топает ногами, стучит по столу, швыряет в стену свой молескин. Она кричит: «Я вот этими вот руками (*показывает руки*) здесь всё сама сделала, а вы всё – всё!!! – *проебали*». Она так и говорит, разрядкой смакуя очередной наш провал. И уходит из переговоров, хлопнув дверью, гаркнув на секретаршу: «Не пускать никого», будто и впрямь найдется псих, надумавший попасть к ней в кабинет. В такие минуты я делаю фокус, которому меня в детстве научила Ба. «*Ну и далась тебе эта математичка, пусть орёт на здоровье. Ты представь её на унитазах и что у неё страшный понос. И просто смейся, смейся в ответ*».

Но это я себе редко позволяю. Чтобы завоевать любовь Татьяночки Борисовны, я выслушиваюсь как могу. Мимикрирую под коллег и говорю на их языке (*кидаю в тебя задачей, заапрувь асапно плиз, давай обсудим хотелки и не пойдём в эту историю, экспертно рассказываем про бизнес-ландшафт*). Захожу в звонок самой первой, чтобы застать с Тэ Бэ пару мгновений наедине (а остальные – я знаю! – не в силах выдержать будничные small talk, топчутся в зале ожидания). Любуюсь самыми невыгодными её ракурсами – вот только вчера нависла, огромная, над камерой телефона, прямо из шпагата на занятии растяжкой. Ловлю каждое её словечко, и даже когда убыстряющий механизм «зума» делает речь Тэ Бэ неловкой и глупой. Отправляю тексты, опережая дедлайн на день-два. И непременно в три часа ночи, чтобы не остался незамеченным мой остервенелый трудоголизм. Если честно, ради неё я даже закурила. Татьяночка Борисовна вот курит с 7-го класса. «Никотин говно толкает, котики мои», – говорит она, когда девочки спрашивают, как ей удаётся держать себя в форме.

Охотников покорить начальницу и кроме меня достаточно. На перекуре мы окружаем её плотной цепью, наперегонки достаём замешкавшиеся в карманах пальто зажигалки, взрываемся смехом на каждой её юмореске. Дело в том, что шутит Татьяночка Борисовна действительно неплохо. Просто угадывается что-то грустное в подозрительной частоте её очаровательных каламбуров. Иногда кто-то пытается парировать ей. Если Татьяночка Борисовна снисходит до улыбки, день считается успешным. Если она не понимает шутки, она поджимает губы, и в кругу повисает неловкая тишина. Но потом Татьяночка Борисовна выворачивает её в свою, и все смеются, и всё снова становится хорошо.

Она часто говорит: помните? Как в том анекдоте... А мне хочется заорать: «Да не помнит никто твоих анекдотов, старая ты кошёлка, у нас теперь мемы!»

Чем больше я люблю Татьяночку, тем больше гадостей про неё рассказываю остальным. Подговариваю всех её ненавидеть. Зачем? Чтобы они разочаровались, перестали хотеть ей нравиться, и она вся бы досталась мне, одной только мне.

Я вкалываю как проклятая, чтобы получить повышение. Потому что, если Татьяночка Борисовна увидит во мне потенциал, она наконец-то полюбит меня, сделает своей правой рукой, своим замом, своей приближённой.

Мой психолог без конца задаёт вопрос: «И кого же вам напоминает ваша начальница?»

Мы обе знаем ответ, но я молчу, потому что говорить на эту тему мне хочется примерно никогда.

Re:

Я дома. В купе ехала одна. Из вагона в Астрахани вышли всего 3 человека. Одна из них – я.

Re:

А я недавно тоже проснулась в вагоне одна. Только вагон был вагоном метро. Вырубилась и проспала свою станцию:(Но как же было приятно.

Люблю!

Свинья ты такая! (*Свирепо, сквозь зубы.*)

А какая я свинья, мамочка?

Нет ответа.

Всю жизнь я знала только одно: я – «копия отец». Мать говорила это – раздражённо, с сощуренными пьянцой глазами, – когда я в чём-то провинилась. Связка врезалась в моё сознание: совершив что-то плохое уже будучи взрослой, я часто вспоминала эту несогласованную грамматически и, в сущности, идиотскую фразу из девяностых. Копия отец. Что, блин, за «копия отец»?

Если бы меня попросили составить «облако слов» про мать, получилось бы так: запах портвейна + палёные духи «Chanel № 5», любовные романы в мягких обложках, сиреневые тени, неоконченный мед, вереница мужчин, трудоголизм, жертвенность, жалостливость, «на трёх работах разрываюсь, ты матери пожрать не сделаешь».

«Пожрать» было домашним культом. Мать так и говорила, с этим именно корнем. «Жрачка», «обожралась». После возвращения с работы спрашивала: «Ты ела?», а больше не спрашивала ничего. О еде много рассуждали вслух. Перечисляли её достоинства, дешёвизну, рыхлость, цвет, текстуру. Про отца же – ни словечка, нет-нет.

Ты меня хоть немножечко любишь, мамочка?

Сиди и не дёргайся. (*Затянула косицы сильнее.*)

Я так и не узнала, что у них произошло. Но отец явно оставил в матери огромную дыру, которую требовалось – идиотский каламбур – заполнять новыми и новыми мужчинами. Ужас заключался не в том даже, что она, не стесняясь, приводила их прямо в нашу крохотную, изолированную одними лишь висюльками-занавесками распашонку, пропускавшую все звуки, шлепки, чавки, какие-то совершенно порнушечьи стоны. Не в том, что ради укрощения очередного перспективного-де варианта мать могла истратить значительную часть накоплений (на платье, педикюр, помаду, такси), а потом через неделю, рыдая и прерываясь на икоту, подпевать Аллегровой и такой же, непросохшей, пойти на собрание в школу. Нет. Ужас был в том, что с годами пассивности становились один хуже другого, но все как на подбор – с огромной ряхой, – и скорость их ротации только росла. Я научилась жалеть её в том возрасте, когда понимать смысл происходящего было слишком рано. Рано было понимать и то, что да-же такое поведение – простительно, ведь иногда родители не умеют справиться со своей жизнью.

Но я понимала.

Порой мне казалось, что мать так вкалывала медсестрой в гинекологии не потому, что мы нуждались, а чтобы был повод устало мне возражать: «Но ведь это я, а не ты, работаю на трёх работах». Я часто воскрешала в голове обрывки услышанных телефонных фраз, внезапно появлявшееся у матери золотишко, приходивших среди ночи перепуганных женщин,

и всё это укладывалось в нехороший пазл: третьей работой матери, кажется, был нелегальный абортарий, куда приходят на большом сроке. Я понимаю серьёзность этого обвинения, пусть и существующего лишь умозрительно, и отдаю себе отчёт в том, что это – может быть – просто демонизирующая её личность иллюзия. Но никак не могу отпустить эту мысль.

Я страшно её любила. И она, пожалуй, страшно любила меня. Только вот главное слово в этих строчках – не «любила», а «страшно».

Качественно друг друга любить мы могли только по выходным. Совпадение моих выходных (то есть обычных человеческих субботы и воскресенья) и её, выкроенных в трёх работах, было из разряда непросчитываемых математических вероятностей. Обычно этот выходной мы проводили в ТЦ «Алимпик», катались там на стеклянном лифте, съедали шарик мороженого, получали сердечко на кофе и смотрели на вещи, которые никогда не сможем купить. Таким было одно из проявлений материнской любви. Другие же так или иначе лежали в плоскости еды или моего «оженствивания».

Ленк, пошли тебе уши что ли проколем, а то чего как лохудра? Ленк, вот этот меряй, он с поролоном. Ленка, ты бы шла уже на гульки, или ты у меня в девках собралась сидеть?

Она страшила: «Четырнадцатый годок пошёл, ты уже сейчас давай следи за собой, носи платья, жопу не отращивай. Мужики примитивные: им надо жрать, спать и давать. В этом наша сила. Усекла?» (Я, к сожалению, усекла.)

Абсурд заключался в том, что мать при этом очень боялась, что у меня начнутся «отношения». Она запрещала мне встречаться с мальчиками и без конца читала мои эсэмэски. Твердила: «От мужиков жди беды!», «Принесёшь в подоле!». Однажды она увидела в папке с картинками целующуюся парочку – не то в Сентрал-парке, не то у Тауэрского моста. Картинка была передана по ИК-порту с телефона подружки – хорошо помню, как мы стыковали под партой её новый «Samsung» и мой древний «Alcatel», за что были обвинены в списывании. На тот момент у всех одноклассников были телефоны с блютузом, и это было статуснее ИК-порта. Обладатели блютуса корчили недовольные лица, когда я просила передать мне картинку по ИК-порту. Словно брезговали связью с моим дешёвеньким мобильником. Не брезговала только Лерка, главная в классе богачка, дружившая со мной до сих пор не пойму из каких соображений. Лера часто передавала мне похабные картинки (о, эти милые предвестники мемов), но залезшую в мою телефон мать интересовала именно целомудренно целующаяся парочка. Она трясла меня за плечи, спрашивая: «Это твой парень?! Ты с ним спишь?!»

Она целиком и полностью состояла из противоречий. Без конца волновалась о том, поела ли я, и вместе с тем угрожала мне толстотой. Могла отдать последнее бабке на паперти и отстоять после двух смен длинную литургию, а после оскорбляла очередного кавалера в моём присутствии, и непременно в третьем лице (*Ленка, налей этому немощному идиоту супа*). Боялась маленьких пауков, но не боялась ходить до поликлиники самыми страшными тропами со спрятавшимися в гаражах наркопритонами. Цензурировала паузами или тихой артикуляцией слова типа «говно» и «насрать», но могла с выражением и смачно сказать что-то в духе: «Это, прости господи, какая-то блядская елда». Она могла расплакаться, увидев на улице мокрого котёнка, и хохотать надо мной, если я пукну. Она навязчиво пахла духами, но неделю ходила в одних и тех же рваных колготках. Она на автомате за любой промах раздавала мне лещей, но с трепетом относилась к хранению моих молочных зубов и отрезанной в первом классе косы (вся эта жуткая консервация времени лежала не где-то на антресоли, а в первом ящике её трюмо).

Однажды я страшно обиделась на неё за то, что она пропустила моё выступление на поэтическом конкурсе. Мать не извинилась, но предложила: почитай мне здесь (то есть на кухне). Она уточнила, надо ли мне встать на табуретку, но я отказалась. Я начала читать стихи, которые, видимо, моё сознание уничтожило в режиме самосохранения. Помню только строчку «И пусть царит в душе всегда её величество весна». Мать остановилась, засмеялась и искренне сказала: «“Всегда” и “весна”... Лен, ты чё, тут же нет рифмы».

Я прекратила читать стихи.

Я прекратила писать стихи.

Я знаю, что не обладала талантом ни к тому, ни к другому.

Но она не имела, не имела права так говорить.

Да, границ у матери не было. Совсем. Она комментировала журчание струи, когда я ходила в туалет (*«Саки смывать не забываем!»*). Как бы для разрядки обстановки могла спросить при новом любовнике: «Ленка, чем воняет? Ты письку мыла?»

Мать была паталогически помешанной на чистоте, но почему-то не стеснялась на виду менять прокладки. А как-то раз оставила одну прямо на раковине и не забирала её такое количество времени, что на неё слетелись мухи. Заходя в ванную, я не могла отвести взгляда от этого зрелища. Я чувствовала ужас, отвращение, оцепенение и – да – странную щемящую нежность.

Её подружки из гинекологии тоже не отличались деликатностью. Как-то раз на тринадцатый день рождения одна из них прямо посреди застолья подошла ко мне сзади и как бы приобняла за грудь. Потом громко спросила: «Ларис, она ж у тебя ещё не кровила?» Я кивнула: месячные были недостижимой наградой; мать без конца разочарованно спрашивала: «Неужели до сих пор нет?» Потом подруга громко успокоительно оповестила: «Ничего, скоро начнётся». Все засмеялись и чокнулись. Месячные начались аж через два года: над этим посмеивались подружки, пугали, мол теперь вообще не начнутся; мать сходила с ума: переживала, что я никогда не стану женщиной.

Мать часто таскала на работу маленькую меня, и я, скучая, хныкала, канючила в ожидании чьего-то внимания. Какая-то тётка из ординаторской, увидев мои страдания, сказала: «Ну, нарисуй что-то. Или придумай стих. Дети должны уметь себя занимать». Но дети не хотят уметь себя занимать. Дети хотят, чтобы с ними играли.

Хоть каким-то развлечением было подслушивать её «взрослые» разговоры с пациентками, на которые она обычно говорила: «Ленка, уши не грей». Я грела и тихонько хихикала над: «А вот и наша ма-а-а-аточка, хорошая какая... Левый яичник проовулировал, а правый в этот раз отдохнул – имеет право! В следующий раз придёшь, как променструируешь».

Все разговоры в доме крутились вокруг двух вещей: женской физиологии и еды. Впоследствии ни с тем ни с другим у меня не сложилось нормальных отношений. Еды было много – и почти всегда невкусной. Даже на мой единожды отмеченный с подружками день рождения были поданы зразы-полуфабрикаты и уже призадумавшийся крабовый, на котором мать зачем-то майонезом попыталась написать «С днём рождения». Надпись была уродливой, девочки ковырнули, но не стали есть, а мне хотелось плакать от мысли, что мать потратила на меня

столько времени и стараний. А врачей я просто терпеть не могла – и безразличных, с холодными руками, из районной поликлиники, и ленивых частников. Никто из них так и не сумел вылечить мой цистит – тот самый, которым всю жизнь мучилась носившая в феврале мини-юбки мать. Повзрослев, я только удивлялась: вот как так – медсестра ведь. И наперекор ей надевала длинное, колготы, рейтузы. Это не помогало: раз в три месяца кто-то невидимый совал мне в вагину раскалённые ножи.

Мать и вправду верила, что все грехи ей отпустит Бог. Она могла не прийти на важное школьное собрание, но на службу ходила при любой возможности. И всегда брала меня с собой. Во время наших походов мне хотелось узнать миллион вещей.

Почему местные бабки бьют меня по коленке – в знак того, что нельзя класть ногу на ногу? Почему отчитывают меня за то, что я пришла в джинсах? Почему очередь на исповедь стоит так близко к самому месту исповеди: а вдруг мои откровения кто-то услышит?

Я спрашивала, но не получала ответа.

Выклянуть вариант просто отсидеться на лавочке можно было двумя способами. Первый – остаться ночевать у Ба, которая то ли волей советской прошивки, то ли характера не изменяла атеизму. Оттого, передав внучку в руки матери у входа в церковь, любила обстоятельно перечислять, чем кормила меня на завтрак. Мать была вне себя от злости. «Сто раз ведь объяснила, что перед причастием есть нельзя, а ты опять специально это всё мне тут, да?» Ба укоряла её в ответ: мол, ярость – грех, и вообще иди вон сама и отмаливай всё, что тебе нужно.

Я любила смотреть на них именно в дуэте. Чтобы удивляться их родству. Мать любила яркое, Ба носила тёмное. Мать и в сорок девять умудрялась быть поджарой, Ба уютно растекалась по оси абсцисс. Мать любила кровавые розы, Ба – белые гладиолусы. Мать смотрела телевизор, Ба устроилась на полставки в библиотеку – просто чтобы бесплатно читать. Мать любила Успенскую и Ларису Долину, Ба искренне сражалась со сном в консерватории, а после – слушала на пластинках Пугачёву. Мать в лёгкую разделявала любовников в «очко», Ба жаловалась на то, что не с кем играть в шахматы и (тщётно) пыталась научить меня. Когда я разглядывала их – кардинально разных, столько далёких друг от друга, и даже внешне, – в моей груди робко прорастала надежда. Плоть от плоти ты можешь и быть, но идти вам по одной дороге совсем необязательно.

Жаль, наша схема не продержалась долго: мать быстренько смекнула, что отпускать меня к бабушке в ночь с субботы на воскресенье – чревато саботажем. Но был и второй способ: попросить у матери купить книжку в церковном ларьке. Книжки были тонкие, состоящие из рассказов, в которых мальчик или девочка сначала совершают плохой поступок, затем получают воздаяние, прозревают и начинают совершать хорошие. Мать, считавшая абстрактное чтение чего угодно признаком большого ума, была не против. Она звала меня «ботанкой», хотя вне церкви читала я в те времена только Дарью Донцову и «Гарри Поттера».

Сейчас я понимаю, что Евлампия Романова¹⁰ и Гермиона Грейнджер были для меня главными ролевыми моделями школьных лет. Тот факт, что Гермиона, будучи маглорожденной, а Евлампия – некогда безвольной и зависимой от богатого мужа, стали тем типом женщин, которых принято называть self-made, был для меня вдохновением и надеждой, что у меня получится поступить в университет.

---

¹⁰ Главная героиня одной из серий книг Дарьи Донцовой.

Мать всегда говорила: «Поедешь в Москву – станешь человеком». В тот момент я не подвергала сомнению эту идею, не спрашивала себя: а может ли конкретный город сделать человека – человеком, и верно ли, что сейчас, вне Москвы, я, получается, не человек? Я просто училась – остервенело, как проклятая: заглатывала тонны книг, решала тесты, ходила на олимпиады, посещала все возможные бесплатные дополнительные. К концу 11-го класса из серой троечницы я превратилась в отличницу по всем предметам, сдавшую экзамены на рекордные по области 396 баллов. Четыре экзамена, которые выбирают люди без понимания, что делать с жизнью. Русский, литература, математика, английский. Был лишь один нюанс. Из всех записанных в себя знаний я не понимала и не чувствовала интереса примерно ни к чему. Я поглощала тексты учебников и книг так же, как поглощаю еду во время зажоров: не жуя, не чувствуя вкуса, не понимая, что именно ем сейчас. Важно, чтобы оно просто очутилось во мне.

Ба по поводу Москвы особо не высказывалась. Просила: «Главное – делай, как душе угодно». Иногда только бросала: «С кем же я тут останусь, если ты уедешь. Кто же будет поить мои цветы, когда я умру?» Она всегда так говорила – «поить цветы», не поливать. Мать в этом процессе не подразумевалась само собой.

* * *

Узнав, что поступила, я чувствовала ликование, хотя до конца и не понимала, почему именно вокруг столицы такой ажиотаж. Я помню, как часто злилась, когда одинокими ночами, в которые мать была на смене, мне хотелось с кем-нибудь поговорить по телефону, но звонить знакомым в такие часы было неправильно, и я набирала номер службы точного времени – 49-45-45, чтобы ненастоящий голос в трубке, неправильно расставив ударения, сказал мне: «Московское время: два часа сорок *три* минуты». Я бросала телефон и раздражалась. Почему это время именно московское? Может быть, оно вполне себе астраханское? Я представляла, что, когда вырасту и стану президентом, в каждом городе, даже в том, часовой пояс которого совпадает с Москвой, время будут называть в соответствии с самим городом, а не со столицей. Примерно те же чувства меня преследовали, когда я чуть повзрослела и стала сидеть в ЖЖ, где Москву звали не иначе как «дефолт-сити». Дефолт, сука, сити. То есть город по умолчанию, единственный город в мире, да? (Забавно, что, когда полгода назад, в очередном приступе отчаяния, возрастной бегунок в фильтрах «Тиндера» сделал несколько шажочков влево, мне пришлось сходить на свидание с двадцатилетним студентом, который понятия не имел, что такое ЖЖ и этот самый дефолт-сити.)

На моём двадцать восьмом году жизни мать наконец удостоверилась в том, что я «стала человеком». Она с гордостью говорила подругам, что дочь «работает на сайте по интернету», уже взяла ипотеку, а замуж не идёт, так как «выбирает получше». «Ну всё, давай, не могу говорить – Москва приехала», – говорила она, когда я гостила у неё в нашей астраханской квартире.

Перед смертью она часто устраивала истерики, грозила самоубийством – короче, любыми способами пыталась заслужить мою любовь. Я ловила себя на мысли, что теперь мы, получается, поменялись местами, но от мысли этой не испытывала ни доли злорадства. Не испытывала ничего.

Иногда она сталкерилась¹¹ меня в соцсетях: как-то раз я три недели пыталась вычислить, что за скрытый аккаунт следит за моими сториз, надеясь, что это какой-нибудь воздыхатель или чья-то бывшая. Аккаунт выдал себя комментарием на фото, где все – даже парни! – соблюли дресс-код костюмированной вечеринки: пришли в «леопарде» и колготках в сеточку. *«Это и есть твои ДРУЗЬЯ??????? Что ж, продолжай и дальше лететь в урну божественной жизни!!!!»* В тот момент мать, которая, казалось бы, уже вряд ли чем-то могла удивить, действительно поразила меня: своим ловким проникновением в механизмы инстаграма, тем, что не выдавала себя столько времени, и главное – изящностью и тонкостью формулировки обвинения. Формулировка эта понравилась мне настолько, что я сделала её строчкой биографии в своём тиндер-профиле. Так и написала: «Лечу в урну божественной жизни». Пожалуй, это было очаровательно.

Мать без конца спрашивала: «Ну что, что можно сделать, чтобы ты меня простила?» Про себя я отвечала: «Лоботомию». Но вслух говорила, что не держу на неё зла.

В один из своих последних приездов, сидя на идеально выскобленной и всё-таки одичавшей кухне, я смотрела на мать: на измождённые уборкой руки, на кольцо «Спаси и Сохрани», вгрызавшееся в палец, и почему-то с сожалением думала о предавшей её красоте: из женщины-роковухи она превратилась в тот тип сумасшедших тёток, которые пишут отзывы на районный «Перекрёсток» в стихах. Она не изменяла привычке сидеть плотно прижав руки к телу: видимо, по инерции стеснялась пятен под мышкой (страшная потливость была передана ей бабушкой, а затем и мне). А может, так и не научилась расслабляться. Она говорила: «Ну расскажи что-нибудь», и я говорила – преимущественно вралю – понимая, что она уже так больна, что не в силах отличать враньё от правды. Мне было стыдно от облегчения, которое опускалось на плечи, когда я вызывала такси в аэропорт.

Рак *сожрал* и мать. Только смиловался: всё сделал быстро. Она считала это удачей. В день похорон я зачем-то прихватила с собой её затёртый молитвослов, в котором было всего две закладки – «За здравие» и «Лена». Я сделала ей красивый памятник, в который угрожала половину годового бонуса. Чёрный постамент, серое – из грубого камня – надгробие. Мастер, который занимался могилой, спросил: «А вы эпитафию не хотите? У меня есть оригинальные. Совсем необязательно “Помним, любим, скорбим”. А например: “Одним цветком земля беднее стала, одной звездой богаче небосвод”. Или, там, розочек добавим». Я отказалась. Мастер был недоволен. Поцокал и сказал, что я зря жадничаю.

В рабочей суете я не проверила финальный текст на надгробии, и между датами её жизни легло не длинное тире, а дефис. Пробелы тоже пропустили, и теперь дефису нечем дышать. Мне не нравится этот куцый дефис не из-за нарушения пунктуации. Он словно обесценивает, уменьшает все 18 863 дня её жизни – несправедливой, измятой нищетой, не знавшей никакого тепла кроме того, что даёт ТЭЦ. Когда я прихожу к ней на кладбище, я не могу смотреть на её фото, я вижу только этот дефис. Мне кажется, что я снова виновата перед матерью, что я снова всё сделала не так. Я приношу её любимую грушу «Ровесница» и пытаюсь найти в себе немного слёз хотя бы всплакнуть (равнодушные приставки и суффикс), которые отчего-то наступают всегда не там – в кофейне или вдруг на ресепшене, но на её могиле слёзы не приходят.

Не приходят никогда.

---

¹¹ Сталкерить – следить за человеком в социальных сетях или реальной жизни.

Re: просто так

Привет! Ходила сегодня в библиотеку (на Яблочкова). Взяла 2 хороших современных детектива: норвежский и английский. Норвежский: «Нож» Ю. Несбё. Я его очень хотела прочитать и поэтому обрадовалась, увидев его на полке. Начала читать. Детектив жёсткий. Читать могу только днём. Ночью страшно. Кстати, оба детектива такие. Что у тебя с работой? со здоровьем? с отдыхом и развлечениями? Ничего о тебе я теперь не знаю. Пиши.

Re: просто так

Привет!!

С работой не может быть ничего нового, её просто всегда много. ТБ немного похвалила на той неделе. Наверное, не зря трижды в неделю ночую в офисе.

Люблю

Кроме обновления должности в ленте фейсбука, попытки заработать все деньги мира и стремления завоевать любовь Татьяночки Борисовны, повышение мне нужно ради расширенного ДМС. А расширенное ДМС, в свою очередь, позволит сделать лазерную коррекцию зрения и даст скидку на процедуру заморозки яйцеклеток, которой, судя по так и пустующей 14-й странице паспорта, не избежать. Приемлемый выход для женщин, которые хотят завести ребёнка, не заводя при этом мужчину.

Получается, я живу в заложниках у своего будущего. У недостроенной ипотечной недвижимости, сделавшей недвижимой меня, намертво приклеив к офисному стулу. У неродившегося ребёнка. У мира в обновлённой оптике зрения. Всё время жду наступления завтрашнего дня или горю о дне вчерашнем, игнорируя реалии сегодня. Я часто думаю о жертве, которую я во имя этого будущего приношу. И мне становится страшно от мыслей, в каком состоянии и виде я в него войду. К счастью, новые уведомления в «Слаке» не дают им развиваться в какое-нибудь решение.

Справедливости ради стоит сказать, что не все мои дни состоят из пахоты 24/7. Это, например, не сравнится с трудовыми буднями Ба, которая сочинила про себя шутку, что всю жизнь была уравновешена, потому что слева ребёнок, справа ребёнок, сзади рюкзак с продуктами, а спереди – собака. Мои же трудовые будни бывают пустыми. Но это время всё равно – не моё.словно безделье в ожидании правок, задач, комментариев ещё хуже, чем время ими заполненное. В псевдопаузах, псевдопередышках остро ощущается: эти 8 (15?) часов в день – они всё равно не твои.

Я не останавливаюсь на достигнутом, потому что, оглядываясь назад, понимаю, что всё-таки проделала огромный путь. Я часто вспоминаю все свои первые работы – особенно когда была младшим редактором на радио. Редактировать мне тогда ничего не давали, зато давали отвозить конверт с гонораром нашему автору гороскопов – загадочной Алле Б. (она так и подписывалась). Гороскопы, очевидно, не были прибыльным занятием, потому как жил автор в далёких-далёких Мытищах. Две пересадки на метро, потом ещё двадцать пять минут на маршрутке: тогда у меня ещё была совесть и я не тратила ползарплаты на такси. В свою первую к ней поездку я отправилась с ожиданием увидеть погрязшее, затянутое паутиной жилище, карты, покрытый зелёным сукном круглый стол, вёрона в клетке, артритные худые пальцы, все в перстнях с изумрудами. Ну, на худой конец стеклянный шар и страшного чёрного кота в тон платью. В реальности же Алла Б. оказалась простой тёткой пятидесяти лет, с чистенькой светленькой кухней «Кноксхульт» и басистым голосом. Ковыряя мизинцем в недрах вставных зубов, Алла Б. предложила мне чаю, за которым выпрашивала меня, сильно ли подморозило на улице и насколько страшно будет ехать на летней резине, ведь на зимнюю пока денег нет, а она, зараза, стала такой дорогой. Порядком задолбавшись путешествовать в Мытищи, я спросила свою начальницу Машу (нервозную самодуршу, без конца обновляющую колор

губной помады), отчего мы не можем переводить гонорар по-человечески, на карточку. Маша тогда нахмурилась идеально причёсанными бровями и серьёзно ответила: «У нашего медиума нет ИП...»

– Лена, котик, у нас там мороженое на съёмку приехало, поменеджерить, ладно?
– Как нехуй-нахуй!

Весёлый матерок, который так обожает Тэ Бэ, пресекает воспоминания. Я отвечаю так грубо, потому что знаю, что Тэ Бэ это любит: думает, мол, подчинённые видят в ней свою – типа мы друзья и всё такое. Ей нравится моя дерзость, и мне даже видится лихое подмигивание с её стороны.

Я резко встаю и бегу в фотостудию. Вытаскивая хрустящее эскимо из сумки-холодильника на стол, я размышляю о том, что моя одержимость Татьяночкой Борисовной куда более возвышенная, правильная и осознанная – не такая, как у остальных. Примерно те же чувства я испытываю, когда кто-то в интернете говорит, что любит Толстого, ходить в консерваторию и фильмы Луи Маля. Мне кажется, они все – не достойны объектов своего увлечения, они не понимают их сути, не могут посмотреть глубоко.

Мне хочется говорить с Тэ Бэ на равных. Обсуждать за кофе мужчин, секс, литературу, сплетни про наших коллег, секреты агентства, чужие зарплаты. Делиться планами на выходные. Показать ей, какая я – вся из себя интеллектуальная и какой у меня хороший вкус. Показать, что мы ходим тусоваться в одни и те же клубы, просто почему-то до сих пор не пересеклись. Чтобы она добавила меня в зелёную категорию close friends в инстаграме. Чтобы она поняла наконец: я – не рядовая замарашка. Чтобы она оценила меня по существу. Я даже купила похожую подвеску, которая в спокойные дни просто зажата между двух её слегка на выкате груди (помог хирург?), а в моменты переживаний она отправляет её себе в рот и сидит, словно с соской.

Единственная случившаяся между нами близость имела место пару месяцев назад. Таня забыла в офисе важную папку с документами и попросила меня её привезти. В машине, по дороге туда, я чувствовала себя Андреей из фильма «Дьявол носит Prada» и чуть не умерла от тахикардии, когда представляла, как перешагну порог её дома. За порог меня не пустили – домработница забрала папку и быстро захлопнула дверь. Уже на выходе из её элитного ЖК, когда за моей спиной мягко опустился шлагбаум, в сотый раз за день поделив мир на бедный и богатый, я позволила себе хорошенько разрыдаться.

Я кручу обидные воспоминания и машинально разворачиваю эскимо, высвобождая химозный запах. Откусываю. На третьем чувствую, что мороженое совсем мне не нравится. Приторное. Но я не могу перестать его есть.

В дверях показывается фотограф. Он смотрит на гору блестящих обёрток и спрашивает: «Так, я не понял, а чего фоткать-то будем?»

Господи, какой стыд. Какой бесконечный стыд. И ненависть, ненависть. Целое море ненависти.

Терапевтка (как написано у неё в шапке профиля) однажды сказала мне: «Вот вы говорите – “ненависть”. А можете визуализировать? Кем именно вы себя ощущаете в этот момент? Опишите происходящее, не называя сам объект. Будет вам дэзэ до следующего раза».

Такая она у меня, конечно, выдумщица.

Я до следующего раза ждать не стала, прямо по дороге в метро всё вылила в заметки:

«Я – плевок.

Любой прохожий при встрече со мной сразу отведёт взгляд. А если и повезёт завладеть его вниманием, то лишь на секунду. Потом он скривится, будто говна поел, но забудет сразу же и дальше пойдёт. Мои дни похожи друг на друга, как утра понедельников, за редким лишь исключением – например, когда меня отправляют в потолок или прямоком в чью-то душу.

Кто я? Я – медицинская горечь, последствие случайного смеха, ответ на дерзость, выражение презрения, упавшее прямо под ноги обидчика. Я – мерило сложности дела и пофигизма. Я – старый знакомый любого дворника. Я – пейзаж у подъездной лавки. Я – точка обрыва мелового рисунка старательной детской руки.

Кто породил меня? Раздражённые рецепторы курильщика. Гопник Толя, метящий территорию родных Текстилей. Харкающий бомж у туберкулёзного диспансера. Сувенрная клиника, переборщившая с “тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить”.

Я проживаю тысячу жизней снова и снова, но в каждой одинакова. Я – мерзость, гадость, пакость, гнусь, скверна и оскорбление во плоти. Бесцветной, бестекстурной и едва зримой».

Перечитала и подумала: хорошо всё-таки, что не стала поэтессой.

Терапевтке, конечно, не показала.

Ещё откажется от меня, упаси господь.

* * *

Да, стыд – вечный твой спутник. Стыд и враньё.

Вот только недавно приезжал курьер. Неприятный такой. Прямо с порога:

– Чай «Slim» для похудения, шунозенид, лезанотин, клизма, гематоген. Ваше?

– Да. (Краснея.) То есть нет! Это я для подруги. Она попросила!

– Ну да, ну да. (Ухмыляясь.)

Уходит, подумав про тебя совсем не то, как есть на самом деле. Подлец.

И ладно, что врёшь другим.

Врёшь-то ты по большей части себе.

Просыпаешься, говоришь: «Сегодня держусь». Ешь гречку, авокадо, зелень, овощи, яйцо – чтобы, если разделить тарелку на четыре части, было нужное количество белков, жиров, углеводов и клетчатки. Потом приходишь на работу, стрессуешь, отправляешь в рот три ложки торта с дня рождения бухгалтерии. Зачем-то оправдываешься на безразличную, в сущности, публику: «Я сладкое после полудня ни-ни, возьму на завтрак», складываешь куски в контейнер, потом бежишь в туалет, запихиваешь куски бисквита в себя, отправляешь их обратно. Всего через полчаса делаешь фото пустого кофе с ржаным хлебом для тренера или коуча-нутрициолога, получаешь ответ-одобрение в виде эмодзи с поднятым пальцем и вопрос: «Рыбку на обедик покушаем, ладненько? Или какое-нибудь роскошное птичье филе?» Вечером идёшь к найденному в инстаграме «специалисту по рекавери РПП», слушаешь на сессии за 5000 руб-

лей про недолюбленность в детстве и символ пустой материнской груди, клянёшься больше не истязать себя голодом. Прямо с сессии летишь на сеанс гидроколонотерапии – вообще-то опасной и вредной процедуры, которая якобы выводит шлаки и токсины из организма, а на деле просто даёт тебе иллюзию отвеса за счёт искусственного вывода каловых масс. Дама в халате (гидроколонотерапевтка?) вставляет тебе трубку в задницу, но та, кажется, доходит до самого мозга: там оседают слова «сейчас все как выйдут, и будет у нас пло-о-о-оский животик, в следующий раз через недельку приходите и берите сразу абонемент». Пока лежишь с трубкой в жопе, придумываешь себе веские причины, чтобы не есть. Ну, например, последняя: «Разве можно себе представить, как Рената Литвинова ест шашлыки или шаурму? Вот и я не буду». Повторяешь как мантру, а оттуда – на занятие кроссфитом, тренера которого на самом деле уже не можешь терпеть. У неё густой зычный голос для команд и нормальный женский для общения вне зала. В последний раз она ругалась, что все неправильно заходят в присед, и отработку решила показать именно на тебе. Она говорила: «Да нет, не так, делай, как если бы ты подсаживалась в кустах, поняла?» Ты ненавидишь тренера, ненавидишь слова «ещё», «последний подход» и «20 прыжков на заминочку», но голод громче ненависти. Ты считаешь её самой мерзкой гопницей на земле. Ты решаешь сжечь абонемент в знак уважения себя и жизни 2.0 и заниматься дома самостоятельно. Скупаешь весь спортивный инвентарь на «Вайлдберриз». Заодно кладёшь в корзину сахарозаменитель, амарантовую муку, лапшу ширатаки. 9 калорий на 100 граммов, вонь несносная, но, если не дышать и бахнуть специю из «Доширака», терпимо.

Через месяц ты выбрасываешь несъедобные продукты, потому что решаешь:

- а) перестать истязать себя спортом и только контролировать мучное;
- б) отпустить себя полностью;
- в) отдать проблему своего лишнего веса конструкторам питания;
- г) есть раз в сутки;
- д) есть всё, но подключить инъекции, обёртывания, любую другую профанацию с хорошей маркетинговой кампанией (нужное подчеркнуть).

Затем сходишь с этого круга на срыв, переходишь на новый.

И так – вся жизнь, в торгах с самой собой.

- Я ослабляю контроль во всём.
- Ну ладно, во всём, кроме сладкого.
- Нет, сладкое оставляем, но считаем калории, потому что это физика – чем больше тратишь, тем меньше набираешь.
- Нет, подсчёт калорий фрустрирует и отнимает много сил. Давай просто не есть после 18:00.
- А может, после 20:00? Так попроще.
- Нет, давай вообще после 16:00. И исключим углеводы.
- Но это завтра, потому что сегодня случайно выпила кофе с молоком, значит, всё не имеет смысла.
- Добро пожаловать в новый зазор!

Господи, почему вечер – самое грустное время суток?

Ре: о книгах

Прочитала «Лавр» Верёвкина. Написана хорошо, читается легко и с интересом, но тема мне не близка – о религиозном средневековье. Посмотрела обложку книги и смеюсь. Он оказывается Водолазкин, а я его Верёвкиным обозвала.

Ходила устраиваться наблюдателем на выборы. В «Справедливой России» надо было ждать до 3-х часов, пошла в обком КПРФ. Сказали, что возьмут. Оставила свои данные. Связуются со мной на следующей неделе.

Кстати тебе хорошо забранные сзади волосы и открытое лицо.

Хочу поделиться с тобой своим удивлением. Недавно узнала, что Резо Гигиенишвили развёлся с Оболенской, не прожив с ней и года. И венчался с ней, по моему. Как это можно понять? Просто удивляюсь

Пока.

Ре: о книгах

Смешная ты! не могу.

Здорово, что идёшь наблюдать. Хоть кто-то должен это делать.

Сегодня встретила на кофе с Тимофеем – помнишь, тот мальчик, с которым я встречалась в институте. Мы работаем в одном бизнес-центре, увиделись в столовой и разболтались. У него теперь машина, жена и скоро будет ребёнок (как сказал Тимофей, «он уже есть, просто пока ещё не снаружи»). По дороге домой вспоминала нашу с ним поездку – в Крым. Это была моя первая «взрослая» поездка, и вы с мамой не хотели меня отпускать, хотя мы встречались больше полутора лет! Перед самым поездом ты спросила меня: «Скажи мне честно: вы уже целовались?» – с неловкостью, но готовностью осудить. Ты смотрела неодобрительно, будто я подтвердила твои худшие подозрения, и я не смогла сказать правды.

Прости, что соврала.

Люблю!

На встречу с Серёжиной мамой я уже и не надеялась, а тут на тебе: позвал на дачу. Мама оказалась тоже Еленой, только Александровна. Суетливая, широкая, обниматься не стали. «Сыночек, ты иди дрова пока, а мы тут с Леночкой погуляем».

Сначала были теплицы, которые я не понимала, как правильно похвалить. Потом сервиз «Сирень» Дулёвского фарфорового завода. 51 предмет, у кофейника носик откололся, и золотинка кое-где отлетела, не знала, что в микроволновку их нельзя. Это батя Серёжкин мне подарил, когда женихались. Потом с ним свадьбу играли, и сестра моя, и племянница. Вот и Серёженька, может, когда-нибудь тоже?..

Серёжа не выдержал вопроса – упал прямо с полки, в виде фотографии. Маленький, максимум года три, голый. «Ой, с пипкой тут, ты погляди», – Елена Александровна захихикала, а я чуть не ляпнула: «Да только с утра видала».

На пипке решили обедать. Елена Александровна помогать запретила, сказала: «Отдохни». И многозначительно добавила: «Набегаешься ещё». Я понимающе улыбнулась.

Комната, в которой я «отдыхала», производила печальное впечатление. Стекло чехословацкой стенки (не двигается, хоть ты тресни) – всё захватанное и мутное. Диван выученно просел в углу. Подхваченная скотчем антенна зависла над пыльным «Рубином». Я нажала на кнопку, но тот не вспыхнул в ответ. У меня пронеслось в голове, что обстановка не вяжется ни с новым Серёжиным «мерсом», ни со случайно обнаруженной в смете зарплатой главного продюсера. Но сомнений этих коснулась слегка. Сейчас не хотелось.

Я не обманывала себя на предмет того, что ни «Рубина», ни Серёжиной пипки никогда бы не увидела, если бы не вчерашний офисный конфуз. Татьяночка Борисовна объявила пятницу празднованием Хэллоуина и в добровольно-принудительном порядке наказала всем не филонить в подборе образов. Так и сказала: «В добровольно-принудительном».

Мне было важно показать лояльность Татьяночке Борисовне, поэтому к поиску лука я подошла обстоятельно. Накиданные в корзину «Озона» метла, накладные ногти и корсет требовали от меня серьёзной финансовой жертвы, на которую я в целом была готова. На носу раздача проектов, а мне не хотелось провести очередной квартал за текстами для фестиваля «Весёлое варенье», так что показать себя нужно было эффектно. Беда была в том, что, когда

я разделила остаток на карточке на остаток 17 дней до зарплаты, получилось невразумительное трёхзначное число.

Я расстроилась, но быстро нашлась: придумала заменить метлу шваброй, а шляпу склеила из рулона старых обоев. Пока красила шляпу в чёрный – найденным в офисной кладовке баллончиком, – вспоминала новогодний утренник, на котором среди девочек была единственным медвежонком (мать накануне пришла со смены пьяной, трясла перед носом пакетом, говорила: «Гля, доча, что я у нашей Вальки выпросила, самая модная будешь»).

Вопрос оставался лишь в основном наряде. Контекст требовал чёрного, которого у меня был весь гардероб, ведь чёрное не толстило. Но всё не то: объёмное, шерстяное, безликое, созданное для бесконечной зимы. Я долго перебирала вешалки, всё глубже и глубже проваливаясь в недра шкафа, всё дальше и дальше уходя от дня сегодняшнего в дни минувшие – туда, где денег было мало, перспективы туманны, а счастье чувствовалось острее. Я перебирала пиджаки, платья, блузы, удивлялась количеству накопленных пальто, пока наконец рука не встретила *нечто*, несшее прохладу, легкость, юность. Я вытащила несправедливо забытое *нечто* на свет, бросила в полный рост на кровать – оно опало послушно, словно облегчённо вздохнув. Я ласково погладила его – ещё бы: жаркий июнь, уголки диплома впиваются в потные ладони, шампанское у фонтана, а двоичник Коля не так уж и плох, уверенность в том, что *всё* обязательно будет. А что это – *всё*?

В тот вечер мне было одиноко и особенно хотелось внимания. Поэтому я даже встала на табуретку, откуда говорила тост, пока Джокер, Харли Квинн, две Чудо-женщины, Мия Уоллес, почему-то Анастасия Каменская и десяток неидентифицируемых персонажей, не пытавшихся снискать любви Татьяночки Борисовны, смотрели на меня через камеры телефонов, сохраняя моё выступление на веки вечные.

Звон клиентского хрустала. Аплодисменты. Поклон.

Поклон вышел резким и не встретил понимания платья. Оно просто сказала «нет» и, категорично треснув, разошлось двумя кулисами по шву, аккурат на моей жопе. Сначала я подумала: «Как холодно». Потом подумала: «Хорошо хоть, трусы приличные надела». Потом: «Надеюсь, Сергей хотя бы не увидел». Но Сергей увидел: подлетел в секунду, помог спуститься, прикрыл срам, приобняв со спины в рамках дозволенного для публики и сказал: «Эх, Ленка, что б мы без тебя тут все делали».

Мы уединились сразу после – в кладовке, где обычно трахались в обеденный перерыв. Я долго плакала, повторяя: «Они всё видели и смеялись надо мной», а Сергей неумело гладил меня по голой спине, отвечая: «Да ты что, пьяные все, там темно, ничего не видно, и вообще никто не смеялся», хотя я знала, что видно было прекрасно и смеялся Сергей вместе со всеми. Я не успокаивалась, рыдала пуще прежнего, тогда Сергей решил, что надо козырять чем-то серьёзным и предложил поехать к маме на дачу. В тот момент я подумала, что это в целом сносная кармическая компенсация.

На даче я продолжала прокручивать в голове вчерашний позор. Уже раздёргала до крови заусенец, съела четверть вазочки сухек, а после – почти половину губы. Наконец в плохо вымытом окне нарисовалась фигура Сергея. Я прильнула к стеклу, потому что мужик, рубящий дрова, – это хорошая, приятная глазу картинка. А после – вышла на веранду и закурила, предварительно проверив, не попадаю ли в обзор Серёжиной мамы – будто это и впрямь могло

«снять» с меня несколько очков. Курить взятяг я так и не научилась: просто набирала в рот дым и держала как можно дольше – чтобы не выдать себя.

Я наблюдала, как энергично Сергей сражается с деревяшками, угадывала по губам его любимые матюги. Смотрела и вела в уме расчёты: четыре месяца служебного романа, 52 тысячи рублей у психотерапевта, один «Постинор» (он настоял), два совместно пережитых тендера, а всё равно – чужой. Пыталась понять, а как же так вышло, и искала оправдания в первом впечатлении. Силилась вспомнить, зачем переспала с ним тогда, после выездного корпоратива. Неужели только ради посткоитальной шутки «А ты точно продюсер?»

Сергей вырвал из мыслей, попросил помочь. «Кинь три полешки в костёр, плезь». Я кинула и села рядом, на свежеспиленное бревно. Он молчал, но продолжал рубить, поглядывая на огонь.

– Как-то херово у нас горит, Лен.

– Ну да...

Сели обедать. Елена Александровна представляла каждое блюдо обстоятельно, как дальнего родственника. Огурцы закатала, пусть и артрит; холодец требовал раннего, в пять утра, подъёма; в салате яблочко, потому что Серёжа это любит – когда с яблочком. Мы так и сидели, сталкиваясь вилками на маринованных грибах, и – как мне казалось – репетировали семью.

На третьей водочке Елена Александровна, поддавая борща, спросила: «Лен, а ты борщ как – на зажарке или без?» Я делала без – в знак протеста против матери, но всем говорила, что просто лень. А тут зачем-то придумала сказать: «Да я вообще никогда не готовлю, из принципа». «А-а-а, ну, главное, кушаешь, видно, что хорошо. Личико вон какое кругленькое», – сыто улыбнулась Елена Александровна и быстро спохватилась: «Серёжа, давай подолью».

Вообще это бывает. Просто совпадение. Просто наложилось – сначала одно, потом другое. Ба ответила бы ей: «Ну, до вашего личика мне ещё далеко», и всё бы разрешилось – легко и просто. Но Ба не могла мне подсказать.

За *личиком* полезло в голову уже сто лет как истлевшее. Мелкое враньё на собеседовании; третий за осень цистит; телефонные мошенники развели на 7000; подмухлевала Сергею в смете, а он, сволочь, даже цветов не принёс ни разу; мать напилась на выпускном и с утра красномордая просит прощения.

Серёжа что-то почувствовал, попытался поправить: примиряющий смех, «да ладно вам, пойдёте лучше в баню». Но я уже ничего не слышала: ни как Сергей позвал, ни как ответила «да что-то не хочется». Ни в какую баню я, конечно, идти не собиралась. Ведь баня – это раздеться перед Еленой Александровной, а значит, предъявить новые доказательства своего хорошего аппетита.

«Ну, мы надолго, к шести вернёмся», – сказал Серёжа.

Я кивнула и только буднично, без капли грусти подумала: «Надо же, а ведь почти полтора месяца продержалась».

Я некоторое время следила за ними с веранды – Сергей шёл в свойственную ему ленивую развалочку, с сигаретой и банкой пива, увеличенная старой шубой Елена Александровна дого-

няла его почти вприпрыжку. Как только их спины скрыл поворот на сарай, я рванула в дом. Там заперлась на два замка и взяла курс на «Саратов».

«Саратов» был как живой – он то гудел, то отбивал дробь, а когда уставал, отряхивался, словно пёс. А ведь едва доставал до груди – так что, если надо чего с нижних полок достать, садись на корточки. Но на нижних полках неинтересное: огурцы, помидоры, морковь – я догадывалась. Я резко дёрнула на себя дверь: качнулся в эмалированном поддоне студень, в лицо ударил холодный продуктовый дух.

Господи, помоги.

Начала с борща, хоть он уже и успел подзаболотиться. Греть времени не было, решила пить прямо так, из кастрюли. Затем колбаса – откусила прямо от палки, потом отрежу. Банка солёных огурцов – мутно-серые и горчат, у мамы лучше были. Ещё три картофелины, хлеб, хлеб, хлеб, оливье с этим сраным яблоком, ещё хлеб, до горбушки, маковый торт. Кидала как в топку, не жуя особо и не чувствуя вкуса, лишь бы исчезли они все: личико, платье, Елена Александровна, Серёжа, мать, чёртов этот Хэллоуин, а вместе с ним – офис и Татьяночка Борисовна.

Ну а дальше – автопилот.

Сорок «бёрпи»¹², синий блистер, красный флакон, торги с аннотацией, грозившей летальным исходом за передоз.

В ожидании мочегонного и слабительного эффекта я направилась в туалет. Там долго рассматривала в зеркале *личико* – огромное, одутловатое, словно чужое. Оно смотрело с трёх сторон сразу: центральной и двух створок по бокам.

Два пальца в рот.

Всё, что не успело уйти вниз от желудка, отправилось в обратный путь. Первый куплет, второй, третий.

Пока из меня выходили все последствия первого за полтора месяца срыва – *личико* таяло, и мне становилось хорошо. Я легла на холодный кафель и грустно срифмовала: кафель – фалафель. Хотелось замуж, сдохнуть, чтобы кто-то обнял. Завтра – 1-е число и худший на свете день – воскресенье. А с ним – новый зарок не жрать, не блевать, покупать авокадо и ходить на силовые через день.

Я знала, что никакая из этих инициатив не продержится дольше недели – до следующей ровной даты, ровного нахождения Луны в пятом доме, до следующего обещания, которое обязательно когда-нибудь, но никогда не сейчас.

---

¹² Бёрпи – упражнение, содержащее последовательное выполнение прыжка, планки и отжимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.